

УДК 340

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS642596>

Реабилитация здравого смысла: право и справедливость в перспективе метамодернизма

Д.С. Чукин

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов, Россия

АННОТАЦИЯ

Одной из актуальных задач социальных наук, в том числе правоведения, является идентификация состояния, в котором современное человечество оказалось после того, как был констатирован крах постмодернистской философско-исторической модели. Ее решение предполагает создание концепции реальности, которая содержит объективные онтологические признаки и служит основанием для поиска эпистемологических ресурсов, необходимых для доступа к ней. В статье анализируется возможность использования для этих целей теоретических и методологических средств, которые предлагают две новые интеллектуальные практики — метамодернизм и спекулятивный реализм. В частности, речь идет о таких концептах, как «структура чувств» и «метаксис», в рамках которых в социальное познание возвращаются вытесненные из него понятия «единого», «общего» и «нормы». В качестве характерного для современности типа чувствительности рассматривается «здоровый смысл», который может стать объективным основанием для получения общего знания о мире, а также для уточнения понятия «естественного права» и его содержательного наполнения. Предложенная спекулятивным реализмом структура реальности позволяет преодолеть навязанный постмодернизмом правовой релятивизм и выработать согласованное понимание права и справедливости.

Ключевые слова: метамодернизм; спекулятивный реализм; структура чувств; метаксис; норма; здравый смысл; право; справедливость.

Как цитировать

Чукин Д.С. Реабилитация здравого смысла: право и справедливость в перспективе метамодернизма // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 4. С. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS642596>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS642596>

Rehabilitation of common sense: law and justice in sight of metamodernism

D.S. Chukin

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russia.

ABSTRACT

One of the relevant tasks of social sciences, including jurisprudence, is identification of the modern humanity condition after the collapse of the postmodern philosophical and historical model was ascertained. Its solution involves the creation of a concept of reality that contains objective ontological attributes and can be used as a basis for searching for epistemological resources required for access to it. The article analyzes the possibility of using theoretical and methodological tools for these purposes, offered by two new intellectual practices, namely metamodernism and speculative realism. In particular, it concerns such concepts as the “structure of feelings” and “metaxis.” while within them, the concepts of “unity,” “general,” and “norm” displaced from it return to social cognition. The type of sensitivity characteristic of modern times is considered to be “common sense” which can become an objective basis for obtaining general knowledge about the world, as well as for clarifying the concept of “natural law” and its substantive content. The structure of reality proposed by speculative realism enables to overcome the legal relativism imposed by postmodernism and develop a consistent understanding of law and justice.

Keywords: metamodernism; speculative realism; structure of feelings; metaxis; norm; common sense; law; justice.

To cite this article

Chukin DS. Rehabilitation of common sense: law and justice in sight of metamodernism. *Russian journal of legal studies*. 2024;11(4):21–30. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS642596>

Received: 30.10.2024

Accepted: 06.12.2024

Published online: 29.12.2024

Пейзаж после битвы: состояние после постмодерна

В начале третьего тысячелетия социальные теоретики констатировали исчерпанность цивилизационного проекта, который последние тридцать лет задавал содержательные и методологические рамки исследований в области культуры и общества, а также оказал существенное влияние на большинство общественных институтов и практик. Речь идет о постмодерне. Его отличительной чертой была критика идеологии модерна, при отсутствии внятной позитивной программы. Основными объектами постмодернистской атаки были идеи и принципы, лежащие в основе модернистской модели, а также институты, участвующие в его реализации: научная рациональность, политическая инфраструктура, право, образование, искусство, формы ментальности, образ жизни. В обобщенном виде обвинение сводилось к тому, что модернизация сопровождалась подавлением, исключением, маргинализацией альтернативных проектов, которые не соответствовали стандарту рациональности, насаждаемому теоретиками модерна.

Манифестом постмодернизма стало эссе Лесли Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы!»¹, в котором содержался призыв к отказу от единых интегрирующих, дисциплинирующих и контролирующих инстанций, критика институтов и практик модерна, осуществляющих насильственное, по убеждению теоретиков постмодерна, сохранение единого и общего ценой подавления иного. В число этих инстанций входило официальное (писаное) право, которое опиралось на теоретические модели справедливости, исключая внимание к различию в качестве обязательного критерия.

Временная популярность постмодернизма объясняется тем, что он воспользовался характерной для индивидов психологической усталостью от долгое время существующих идей, ценностей и политики, которые стали восприниматься ими как устаревшие, не отвечающие их изменившейся идентичности и представлениям о справедливости. Об этом пишет С.А. Бочкарев, обращая внимание на социально-психологические корни постмодерна, в значительной степени повлиявшие на концепцию реальности, как она представлена в работах его классиков, с акцентом на ее виртуальный характер [1, с. 20–32].

Метамодерн как возможная замена постмодерна

Длившееся около трех десятилетий постмодернистское экспериментирование над человеком и миром оставило после себя руины в виде разобщенного на всех уровнях человечества, дезориентированного индивида, разрушенных онтологических, дискурсивных

и нормативных оснований, стандартов и норм. Одной из «жертв» постмодернистского безумия стало право. Председатель Конституционного суда России В.Д. Зорькин в выступлении на IX Петербургском международном юридическом форуме, в частности, констатировал: «Современный кризис права, углубляющийся на наших глазах, имеет свои корни в тех вариантах философствования, которые предъявляет постмодерн. В философии постмодерна нет места таким базовым правовым понятиям, как истинность, объективность, справедливость. В этой философии все мнения имеют право на существование, все одинаково правильно и неправильно, все необязательно не только для других, но и для того, кто эти мнения высказывает»². Особую опасность, по его мнению, подобная ситуация представляет для России, поскольку чревата хаотизацией общественной жизни из-за произошедшего на рубеже столетий слома правовой традиции и трудностей в формировании новой правовой системы, вызванных в том числе доминированием постмодернистских установок в социальной философии и философии права. Поэтому актуальной задачей является переосмысление онтологических оснований современной эпохи и создание на их основе новой философии права, отражающей специфические для нашей страны духовные ценности и представления о справедливости.

Человечество вступило в новую стадию своей истории, характеризующуюся неопределенностью как относительно его актуального существования, так и направления дальнейшего движения. Поэтому требуется ее идентификация, включающая в себя установление онтологического фундамента, способов доступа к ее объектам и подбор соответствующего названия — ярлыка, который можно использовать для опознания. Большинство предложенных проектов различаются приставками к слову «модернизм», но наиболее обсуждаемым и перспективным, по мнению А.В. Павлова, является «метамодернизм», и именно с ним В.Д. Зорькин связывает надежды на то, что он станет теорией, способной уловить новые тенденции в социальных явлениях, в том числе в области права [2, с. 3].

Авторы данного проекта, философы искусства из Нидерландов Тимотеус Вермюлен и Робин ван ден Аккер, объясняют свой выбор тем, что приставка «пост-», являющаяся своего рода «палочкой-выручалочкой» для обозначения всего нового, исчерпала свой семантический ресурс. Поэтому они решили использовать префикс «мета-», который, в сочетании со словом «модерн», означающим «современность», должен подчеркнуть специфический характер последней. Вермюлен и ван ден Аккер перевели «мета» как «между», полагая, что современность

¹ Fiedler L.A. Cross the border - close the gap. URL: https://openlibrary.org/works/OL19106168W/Cross_the_border (дата обращения: 12.09.2024).

² Зорькин В.Д. Приверженность верной философии права позволяет творить добро. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=86> (дата обращения: 09.09.2024).

представляет собой нечто промежуточное: «Онтологически метамодернизм колеблется между модерном и постмодерном. Как проявление компромисса он находится между современным энтузиазмом и постмодернистским настроением, между надеждой и меланхолией, между наивностью и знанием, сопереживанием и апатией, единством и множественностью, тотальностью и фрагментарностью, чистотой и двусмысленностью. Действительно, колеблясь туда-сюда или взад-вперед, метамодерн ведет переговоры между модерном и постмодерном»³. Это колебание они выразили посредством понятия «метаксиса».

Очень туманная характеристика, вполне в стилистике постмодернизма, которая скорее затемняет, чем проясняет. Ключевые слова — «между» и «колебание» (осцилляция) — менее всего ассоциируются с устойчивостью и определенностью, по которым ностальгируют обычные люди и теоретики, уставшие от постмодернистского беспредела.

Тексты авторов, позиционирующих себя в качестве метамодернистов, посвящены анализу произведений художественной литературы, кинематографа и архитектуры, чьи выразительные средства передают особенности мироощущения современного человека. То есть, в первую очередь, это эстетическая концепция: «...метамодерн следует считать „структурой чувства“, циркулирующей в рамках определенного момента современности» [3]. Структура чувств понимается как нерационализованные и несистематизированные особенности мировосприятия, характерные для человеческого поколения. Это специфический тип чувствительности, который отличается вниманием к определенным свойствам объективного мира, считающимся существенными.

Метамодернизм предлагает отличный от постмодернистского вид чувствительности, для которой характерно оптимистически романтическое восприятие действительности, отказ от жестких бинарных оппозиций, стратегия компромиссов, внимание к единству. Но, как и в случае с постмодернистской структурой чувств, метамодерная чувствительность имеет своим источником субъекта, который проецирует ее на мир, укладывая последний в прокрустово ложе своего восприятия действительности. Одним из способов исключить неизбежный при этом релятивизм является поиск объективного для такой чувствительности основания. Это возвращает нас к вопросу о том, какая философия нужна метамодернизму.

Спекулятивный реализм в роли философии метамодерна

В интервью московскому журналу «Metamodern» Робин ван ден Аккер назвал в качестве таковой спекулятивный реализм, объяснив это тем, что последний реабилитировал и возвратил метафизический момент в философию,

³ Timotheus Vermeulen & Robin van den Akker (2010). Notes on metamodernism, *Journal of Aesthetics & Culture*, 2:1, 5677. URL: <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677> (дата обращения: 30.06.2024).

привлек внимание к объективным, базовым принципам, «...согласно которым вы можете начать думать, продуцировать и придумывать, формируя системы»⁴.

Версии спекулятивного реализма различаются между собой тем, какой онтологический статус в них приписывается объектам реальности, и каким образом обеспечивается эпистемологический доступ к этим объектам. Наиболее близкой к метамодернизму является объектно-ориентированная онтология (ООО). По утверждению Грэма Хармана, который предложил название и считается самым плодотворным автором по теме, реальность представлена множеством индивидуальных и автономных объектов, каждый из которых является полноценным воплощением сущности и не нуждается в редукции к какому-либо первоначалу или Абсолюту. Эти объекты обладают онтологической глубиной, и ни одно из их свойств или способностей этой глубины не исчерпывают. Вещь может существовать в разных контекстах, рассматриваться с разных перспектив, не переставая быть одной и той же вещью. Например, дом, рассматриваемый с высоты птичьего полета, в сумерки, в дождливую погоду, со стороны фасада или тыльной части, — это один и тот же дом, но выглядящий по-разному: «Реальность — это скала, о которую всегда разбиваются наши многочисленные корабли, и в этом качестве ее нужно признать и почитать, какой бы трудноуловимой она ни была» [4, с. 10].

Внимание к чувствам как важному каналу, с помощью которого можно получить доступ к объекту, роднит спекулятивных реалистов с метамодернистами, испытывающими потребность в обновленной концепции чувствительности как основе художественного творчества. По этой причине философия в настоящее время, по мнению объективно-ориентированных онтологов, реализует свои функции через эстетику в ее изначальном, идущем от Аристотеля и в особенности от Канта понимании как философской теории чувств⁵. Эпистемологическая ценность чувств напрямую зависит от концепции реальности, ее онтологических характеристик. Спекулятивные реалисты считают, что актуальная действительность представлена объектами, сущность которых закрыта для прямого доступа, но постижима посредством обходных путей, через поверхности этих объектов, представленные чувственно воспринимаемыми свойствами.

Здравый смысл, его эпистемологические и социально-этические возможности

Под новой структурой чувств, которая, по мнению метамодернистов, отличает эпоху после постмодерна

⁴ URL: <https://metamodernizm.ru/robin-van-den-akker-interview-in-moscow/> (дата обращения: 12.09.2024).

⁵ Харман Г. Эстетика как первая философия. URL: <https://syg.ma/@burdina-anastasia/estietika-kak-piervaia-filosofia-lievinas-i-niechieloviechieskoie> (дата обращения: 10.06.2024).

и которую они пытаются описать, разбирая художественные произведения, они понимают особый тип чувствительности, присущий художникам, то есть людям, отличающимся утонченной восприимчивостью. Поэтому выразительные средства, используемые ими для структурирования и объяснения реальности, сложны и понятны только для посвященных, а изображенная посредством него реальность содержит специфические, но не универсальные характеристики. Между тем актуальной задачей является поиск общих, интегрирующих начал реальности и, соответственно, универсальных способов ее познания.

Одним из возможных путей ее решения может стать обращение к структуре чувств в другой, отличной от метамодектнистской, интерпретации. Речь идет о концепции «общего чувства» (*sensus communis*), которая является одним из измерений «здорового смысла» — важной человеческой способности, более известной как «обыденный рассудок». Реабилитация здорового смысла в его эпистемологическом и социально-этическом значениях поможет найти основание для поиска универсальных путей доступа к объектам реальности и выработки сходных позиций людей по значимым экзистенциальным проблемам.

Здоровый смысл — это исторически первая форма проявления разумности человека, выполняющая ту же функцию, что инстинкт самосохранения у животного. Здоровый смысл является врожденной способностью, преобразующей материал чувственных восприятий в общее знание. Он развивается посредством опыта и позволяет получать знания, необходимые для решения главной задачи — сохранение индивидуальной, групповой и видовой идентичности. Ясность и простоту в понимании реального мира он сочетает с четким ориентиром, которым выступает общая польза.

Здоровый смысл является формой не только индивидуального, но и коллективного сознания, образуя основу того, что называют «народной психологией». Любая устойчивая социальная группа в течение истории создает, методом проб и ошибок, институты, нормативные системы, когнитивные и духовные практики, которые помогают ей сохранить свою самобытность и успешно решать текущие и внезапно возникающие задачи. Народная психология, будучи проявлением коллективного здорового смысла, составляет фундамент более сложных идеологических конструкций.

Здоровый смысл был главным источником знаний о мире на протяжении большей части человеческой истории, и эти знания, накапливаясь и передаваясь от поколения к поколению, составили основание, на котором возникла наука. Ф. Энгельс видел причину отеснения здорового смысла на вторые роли в познании тем, что его возможности ограничены «четырьмя стенами домашнего обихода» [5, с. 17] и перестают быть полезными за их пределами. Он имел в виду то, что сущности

вещей, ассоциируемые с общими законами, носят универсальный характер, скрыты от непосредственного восприятия и могут быть открыты только с помощью научного метода. Этот вывод верен лишь отчасти, потому что наблюдение, составляющее неотъемлемую часть научного метода, было заимствовано из донаучного мышления, а некоторые из законов, которыми оперирует наука, были открыты с помощью здравого смысла. Индуктивный метод, являющийся основным в естественных науках, также имеет свои корни в обыденном познании.

В римской философии термин «здравый смысл» был переведен как «*sensus communis*» и получил дополнительное, наряду с эпистемологическим, значение, а именно — стал обозначать общее чувство, которое присуще всем людям и проявляется в виде эмпатии, склонности к сотрудничеству. Социальное измерение здорового смысла означает, что жизненно важные чувства, которые проявляет человек в общении с миром и с себе подобными, являются общими, одинаковыми для всех: боль, удовольствие, страдание, фобии, представления о хорошем и плохом разделяют все люди, точно так же, как они разделяют истину, что дважды два — четыре. Это имел в виду Шекспир, вкладывая в уста одного из персонажей «Венецианского купца» слова: «Да разве у еврея нет глаз? Разве у него нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся? Если нас отравить — разве мы не умираем? А если нас оскорбляют — разве мы не должны мстить? Если мы во всем похожи на вас, то мы хотим походить и в этом» [6].

Джамбаттиста Вико использовал концепцию здорового смысла в качестве основания для создания первого философско-исторического проекта: «Здравый Смысл — это суждение без какой-либо рефлексии, чувствуемое сообществом всем сословием, всем народом, всей нацией или всем Родом Человеческим. <...> Единообразные Идеи, зародившиеся у целых народов, не знающих друг о друге, должны иметь общее основание истины» [7].

Восстановление ценности здорового смысла как важного источника знаний было предпринято в рамках борьбы со скептицизмом, широко распространившимся в европейской философии благодаря работам Юма. Томас Рид, один из представителей шотландской школы «здорового смысла», писал: «Всякое рассуждение должно исходить из первых принципов; а для первых принципов не может быть другого основания, кроме того, которое дается нам природой, мы вынуждены с необходимостью соглашаться с ними. Такие принципы являются

частью нашей конституции, не в меньшей степени, чем способность мыслить» [8]. В эссе «Об интеллектуальных способностях человека» Рид говорит, что здравый смысл дан человеку природой, и ему невозможно научиться. Этим он отличается от рассудка, который доступен формированию и развитию: «Человека, у которого есть здравый смысл, можно научить рассудку (reason). Но если у него нет этого дара, никакое обучение не делает его способным судить о первых принципах или рассуждать, основываясь на них» [9]. Все естественные права Рид рассматривал через призму здравого смысла, полагая, что любой правопорядок должен обеспечить возможность получить выгоду каждому, но так, чтобы при этом соблюдались свобода и частный интерес всех остальных. Он отмечал, что индивидуальные требования есть легитимные права, только когда они не конфликтуют со здравым смыслом, но насколько возможно вносят в него свой вклад. Удовлетворение требований свободы, имущества и услуг содействует здравому смыслу и есть фактически право для всех [10].

Кант отождествлял здравый смысл с практическим разумом. В работе «Антропология с прагматической точки зрения» он писал: «Чтобы судить о людях по их познавательной способности (по уму вообще), их делят на таких, за которыми следует признать здравый смысл (*sensus communis*) — а это, конечно, не заурядный смысл (*sensus vulgaris*), — и на людей науки. Первые знают, когда применять правила (*in concreto*), вторые знают правила сами по себе и до их применения (*in abstracto*)» [11, с. 270].

Если обобщить сказанное выше, то здравый смысл предстает в виде набора принципов и рекомендаций, которыми большинство людей руководствуются при получении знаний о мире и решении актуальных жизненных проблем. Он включает:

- простоту, ясность, понятность как критерии знания;
- доверие к естественному, уважительное отношение к природе;
- метод проб и ошибок в познании и практике, недоверие к абстрактным, не опирающимся на опыт рассуждениям;
- признание обязательности нормы, правила, образца, стандарта в качестве ориентира и критерия оценки;
- консерватизм, проявляющийся в отказе от нововведений, если их необходимость не является очевидной;
- сбалансированную, срединную позицию, избегание крайностей в отношениях и поступках;
- трезвую оценку своих возможностей, отказ от непосильных задач;
- сознание собственной конечности, веру в существование надчеловеческих инстанций;
- чувство родства, общности с другими людьми, признание общих ценностей.

Анализ симптомов постмодерна и причин, приведших к его краху в качестве философии истории, дает

основание утверждать, что не в последнюю очередь это связано с игнорированием принципов здравого смысла: отказом от любых видов нормирования, умалением общего и апологией различия, эпистемологическим и методологическим релятивизмом, недоверием к естественному, природному, стремлением к его замещению и подчинению, приоритетом сложных конструкций, поощрением постоянного экспериментирования и поисков новизны в ущерб стабильности и постоянству, нормализацией хаоса и децентрализации и демонизацией порядка, абсолютизацией творческой свободы субъекта и отрицанием канонов.

Уроки для правоведения

Право вместе с другими социальными институтами и дискурсивными практиками оказалось инфицированным постмодернистскими вирусами релятивизма, плюрализма и безнормности и в настоящее время переживает кризис своей идентичности. Он проявляется в том, что на вопрос «Что такое право?» существует множество ответов, которые представляют собой авторские суждения, не имеющие объективного основания, разрушенного постмодернистской политикой апологии различия. Поэтому актуальной задачей является разработка понятия права, соразмерного социокультурной ситуации, в которой оказался современный человек. Для ее решения могут быть использованы концепция реальности, предложенная философией спекулятивного реализма, а также метамодернистские понятия «структуры чувств» и «метаксиса».

Иметь права — это привилегия человека, которая отличает его от «твари дрожащей». Проблема, которая всегда стояла перед всеми, кто пытался концептуализировать право, состоит в неизбежности связать вопрос «Что такое право?» с другим вопросом: «На что мы, люди, имеем право?». От ответа на последний зависит, какие инстанции необходимы для того, чтобы эти права гарантировать. Права человека являются порождением его свободы, которая, в свою очередь, входит в состав видовых признаков человека. Поэтому человек имеет «право на те права», которые необходимы для того, чтобы быть человеком. Необходимые — значит в том числе минимально достаточные для этого. В философии права они получили название «естественных прав». Слово «естественные» означает, среди прочего, «само собой разумеющиеся», «соответствующие природе», однако споры по поводу списка «естественных прав» ведутся до сих пор. Об этом пишут А.Н. Савенков и Н.В. Колотова в статье, посвященной 75-й годовщине Всеобщей декларации прав человека [12]. Разногласия объясняются тем, что к естественным правам причисляют права «не-естественные», то есть такие, которые важны для поддержания и сохранения человеком своей сущности в конкретных условиях места и времени. В отличие от естественных прав, которые являются универсальными, эти права не необходимы, а случайны,

в том смысле, что они могут быть, а могут и не быть. Попытки выдать их за естественные камуфлируют стремление универсализировать чьи-то локальные, цивилизационные представления о праве.

Требованиям здравого смысла соответствуют основные принципы права, такие как равенство всех перед законом, справедливость, гуманизм, единство прав и обязанностей. Апелляция к человеческой природе, ее морфологической, физиологической и психической специфике, как один из критериев здравого смысла, является ориентиром при установлении содержательных параметров большинства норм уголовного и гражданского права. «Законы пишутся для обыкновенных людей, поэтому они должны основываться на обыкновенных правилах здравого смысла», — метко заметил по этому поводу Т. Джефферсон. Обыденное правосознание, являясь первым уровнем правосознания, с которого люди начинают свою практическую жизнь, выступает в качестве духовного начала в праве, оно способно проникнуть в сущность права и является как бы здравым смыслом в правовой сфере [13].

Плюрализация прав как стратегическая установка постмодерна привела к тому, что базовые, естественные права человека были погребены под нагромождением вторичных, случайных, ситуационных притязаний индивидов и социальных групп, стремящихся утвердить свои специфические и даже экзотические требования. В итоге правовые системы постмодерна оказались не в состоянии выполнять свою регулирующую и стабилизирующую функцию. В выигрышном положении оказались общества, правовые системы которых опираются на традиционные ценности с ясными и понятными для всех граждан нормативными предпочтениями, выполняющими функцию социального цемента. В них общее и единое обладают приоритетом перед единичным и различным, что служит для приверженцев либеральной модели поводом для квалификации их как тоталитарных, нарушающих права человека.

Таким образом, на повестке дня стоит вопрос об уточнении перечня подлежащих защите естественных прав, скорректированного с учетом национально-культурной специфики и опирающегося на обобщенный исторический опыт того, каким образом общество справлялось с кризисами, угрожавшими его устойчивости, какие факторы играли стабилизирующую роль, а какие — деструктивную. Для российских законодателей и правоприменителей ориентиром в этом является Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».⁶

Здравый смысл как основа структуры чувств метамодерна позволяет определить основания, на которых

может быть построена система международного права, исключающая доминирование национальных и локальных интересов над общечеловеческими. Об этом еще в XVIII столетии писал Дж. Вико: «Здравый смысл Рода Человеческого есть Критерий, внушенный нациям Божественным Провидением для определения Достоверного в Естественном Праве Народов; нации убеждаются в нем, усваивая субстанциальное Единство такого Права, с которым все они согласны при различных модификациях» [7, с. 77].

С вопросом о праве непосредственно связан вопрос о справедливости, критерии которой оказались так же размыты, как и границы права. Хотя одним из обещаний постмодернизма была разработка новой концепции справедливости, результатом стало множество конкурирующих представлений, которые исключают возможность общественной солидарности. Как отмечает В.И. Жуков, справедливость отражает степень сплоченности общества [14], а потому дезинтегрированное общество, каковым является общество постмодерна, таковым не является.

Большинство людей судят о праве опосредованно, через справедливость, которую они воспринимают непосредственно, когда реагируют на решения и действия индивидов и инстанций, затрагивающие их жизненные интересы, потребности и ценности. При этом они руководствуются простыми и понятными для себя критериями, сформулированными с помощью здравого смысла и опирающимися на опыт индивидуальной и коллективной жизни. Социологические опросы, имеющие целью выяснить, что граждане понимают под справедливостью, выявляют, в конечном счете, их обыденные, основанные на чувствах, оценки событий и социальных институтов. Без их учета нельзя создать удовлетворительную теорию справедливости.

Судьба справедливости во многом зависит от инстанций, которые участвуют в применении права. В этом процессе имеет место столкновение обыденных представлений людей о справедливости с теми, что имплантированы в правовые нормы и процедуры, являются результатом профессиональной законодательной деятельности. Минимизации различий между ними способствуют суды присяжных, состав которых формируется из представителей основных социальных и этнокультурных групп. Особое значение приобретает здравый смысл в уголовном судопроизводстве, когда на кону оказывается свобода, судьба, здоровье и даже жизнь человека. Не случайно суд присяжных в России и за рубежом признается одним из наиболее эффективных средств защиты прав человека и гражданина, поскольку служит индивидуализации рассматриваемого дела и вынесению справедливого вердикта. Решая не вопросы права, а вопросы факта, присяжные на основе здравого смысла и личного жизненного опыта отвечают на вопрос: действительно ли виновен подсудимый в совершенном им деянии [15].

⁶ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 11.09.2024).

В дореволюционной России, согласно указу Екатерины II, были учреждены Совестные суды, рассматривавшие некоторые категории гражданских дел, опираясь на принципы «естественной справедливости». Им предписано было руководствоваться в своих решениях «человеколюбием, почтением к особе ближнего и отвращением от угнетения»⁷.

Социальная среда меняется быстрее права, поэтому последнее объективно отстает от требований времени и перестает быть регулятором общественных отношений. Отсюда необходимость уголовно-правового воздействия на поведение людей в контексте уголовной политики и здравого смысла, что подчеркивает взаимообусловленное влияние общественных отношений и уголовного права [16].

Именно к здравому смыслу апеллирует общественность, отмечая абсурдность того или иного правового решения, как было, например, в 2017 г. с делом «пьяного мальчика», когда автоледи насмерть задавила в Балашихе шестилетнего ребенка. Согласно первоначальной судебной экспертизе, в крови ребенка было обнаружено 2,7 промилле алкоголя, на основании чего в возбуждении уголовного дела было отказано. Только в результате активного обсуждения данного факта в средствах массовой информации им заинтересовалась прокуратура, руководство Следственного комитета РФ, что привело судебному разбирательству и приговору виновной в виде трех лет лишения свободы в колонии-поселении⁸.

Здравый смысл в доктрине отечественного права рассматривается как правовой принцип, связанный как с методологией научного познания, так и с законотворчеством [17] и правоприменением, которое, несмотря на имеющиеся в его арсенале солидные средства:

системную нормативную базу, глубокие догматические исследования, рекомендации Верховного Суда РФ, — иногда осуществляется с нарушением закона [18]. О здравом смысле правоведа вспоминают тогда, когда иные, казалось бы, формализованные и апробированные механизмы оказываются бессильными. Речь идет об оценке категорий, балансирующих на грани: общественная опасность, малозначительность, границы уголовно-правовой, административной и дисциплинарной юрисдикций — то есть понятиях настолько размытых, что ответы на них лежат в области судейского усмотрения, фундаментом которого как раз-таки и выступает здравый смысл.

Здравому смыслу противны сложные умозрительные конструкции справедливости, которые позволяют скрывать, умалчивать факты несправедливости, оправдывая их политической или экономической целесообразностью. «Вор должен сидеть в тюрьме!» — это очевидное требование справедливости, но когда оно применяется избирательно, «взирая на лица», это воспринимается как циничное попрание права.

Понятие справедливости должно быть соразмерно представлениям о ней, типичным для структуры чувств нашего времени, соответствовать естественным правам человека, его духовно-нравственным ценностям. Только в этом случае оно будет надежным барометром общественного благополучия.

Таким образом, можно резюмировать, что метамодернизм, несмотря на проблематичность его притязаний на роль философско-исторического проекта, содержит ряд концептов и интуиций, которые могут быть использованы в решении проблем, возникших перед современным, в том числе российским, правоведением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарев С.А. Постправо и его социально-психологический портрет // Государство и право. 2022. № 5. С. 20–32. EDN: KPNEND doi: 10.31857/S102694520018161-8
2. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28, № 6(127). С. 1–19. EDN: YRMVRZ doi: 10.22394/0869-5377-2018-6-1-16
3. МакДауэлл Дж. Метамодерн, «quirky» и кинокритика. В кн.: ван ден Аккер Р. Метамодернизм. Историчность, аффект и глупина после постмодернизма. Москва: РИПОЛ классик, 2020. С. 67–86.
4. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». Москва: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
5. Энгельс Ф. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Москва: Политиздат, 1988. 500 с.
6. Шекспир В. Венецианский купец // Шекспир В. Собрание сочинений в 18 томах. Т. 8. Санкт-Петербург: КЭМ, 1993. С. 292–467.

⁷ Совестные суды // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/115258-Совестные%20суды> (дата обращения: 06.08.2014).

⁸ Отсидела полный срок: задавившая «пьяного» мальчика из Балашихи Ольга Алисова вышла на свободу. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/686421-alisova-vyhod-svoboda> (дата обращения: 12.07.2024).

7. Джамбаттиста В. Основания Новой науки. Москва-Казань: REFL-book, ИСА, 1994. 656 с.
8. Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 352 с.
9. Reid T. *Essays on intellectual powers of man*. The MIT Press, 1969. 808 p.
10. Гурьевская Л.А. Томас Рид: теория естественного права и здравый смысл // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 115. С. 146–152. EDN: KVRWWH
11. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. В кн.: Кант И. Сочинения в 6-ти томах. Т. 6. Москва: Мысль, 1966.
12. Савенков А.Н., Колотова Н.В. Цивилизационный подход к правам человека: к 75-летию Всеобщей декларации прав человека // *Государство и право*. 2023. № 11. С. 108–123. EDN: KACAKZ doi: 10.31857/S102694520028727-0
13. Беденков В.В. Понятие и структура обыденного правосознания // *Известия Алтайского государственного университета*. 2016. № 3(91). С. 23–27. EDN: WLXSKP doi: 10.14258/izvasu(2016)3-03
14. Жуков В.И. Справедливость в парадигме философии права: аналитический обзор // *Государство и право*. 2022. № 11. С. 7–23. EDN: SXHKXP doi: 10.31857/S102694520017455-1
15. Грешников И.П. Обход права и отсутствие здравого смысла как основные начала законодательства в области третейского разбирательства в России. В кн.: *Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сборник статей / под ред. И.П. Грешникова*. Москва: Статут, 2015. С. 3–16.
16. Макеева И.В. Актуальные проблемы судопроизводства с участием присяжных заседателей в районном суде // *Либерально-демократические ценности*. 2021. Т. 5, № 2. С. 80–85. EDN: ECVRWL
17. Голик Ю.В. Уголовный закон как регулятор общественных отношений. В кн.: *Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения)*. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2018. С. 83–92. EDN: PZIDQK
18. Давыдова М.Л. Демократизация правотворчества: принцип здравого смысла в применении технико-юридического инструментария // *Юридическая техника*. 2014. № 8. С. 131–134. EDN: RUPWHX
19. Сафонов В.Н. Здравый смысл как правовой принцип и его место в уголовном праве. В кн.: *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра*. Санкт-Петербург, 2018. С. 191–195. EDN: VMDMIQ

REFERENCES

1. Bochkarev SA. Post-law and its socio-psychological portrait. *State and Law*. 2022;(5):20–32. EDN: KPNEHD doi: 10.31857/S102694520018161-8
2. Pavlov A. Images of modernity in the XXI century: metamodernism. *Logos*. 2018;(6):1–19. EDN: YRMVRZ doi: 10.22394/0869-5377-2018-6-1-16
3. McDowell J. Metamodern, «quirky» and film criticism. In: van den Acker R., editor. *Metamodernism. Historicity, affect and depth after postmodernism*. Moscow: RIPOLL classic; 2020. P. 67–86. (In Russ.)
4. Harman G. *Object-oriented ontology: a new «theory of everything»*. Moscow: Ad Marginem Press; 2021. 272 p. (In Russ.)
5. Engels F. *Anti-during. the revolution in science, made by mr. Eugene Daring*. Moscow: Politizdat; 1988. 500 p. (In Russ.)
6. Shakespeare V. The Merchant of Venice. In: Shakespeare V. *Collected works in 18 volumes*. Vol. 8. Saint Petersburg: KEM; 1993. P. 292–467. (In Russ.)
7. Giambattista V. *The foundations of a New science*. Moscow, Kazan: REFL-book, ISA; 1994. 656 p. (In Russ.)
8. Reed T. *The study of the human mind on the principles of common sense*. Saint Petersburg: Aleteya; 2000. 352 p. (In Russ.)
9. Reid T. *Essays on intellectual powers of man*. The MIT Press, 1969. 808 p.
10. Guryevskaya LA. Thomas Reed: theory of natural law and common sense. *Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*. 2009;(115):146–152. EDN: KVRWWH
11. Kant I. *Anthropology from a pragmatic point of view*. In: Kant I. *Works in 6 volumes*. Vol. 6. Moscow: Mysl, 1966. P. 349–587. (In Russ.)
12. Savenkov AN, Kolotova NV. Civilizational approach to human rights: on the 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights. *State and Law*. 2023;(11):108–123. EDN: KACAKZ doi: 10.31857/S102694520028727-0
13. Bedenkov VV. The concept and structure of everyday legal consciousness. *News of the Altai State University*. 2016;(3):23–27. EDN: WLXSKP doi: 10.14258/izvasu(2016)3-03
14. Greshnikov IP. Circumvention of law and lack of common sense as the main principles of legislation in the field of arbitration in Russia. In: Greshnikov IP, editor. *International commercial arbitration and private law issues: collection of articles*. Moscow: Statute; 2015. P. 3–16. (In Russ.) EDN: WLXSKP doi: 10.14258/izvasu(2016)3-03
15. Zhukov VI. Justice in the paradigm of philosophy of law: an analytical review. *State and Law*. 2022;(11):7–23. EDN: SXHKXP doi: 10.31857/S102694520017455-1
16. Makeeva IV. Actual problems of judicial proceedings with the participation of jurors in the district court. *Liberal democratic values*. 2021;5(2):80–85. EDN: ECVRWL
17. Golik YuV. Criminal law as a regulator of public relations. In: *Criminal law impact and its role in crime prevention (III Saratov criminal Lawlegal readings)*. Saratov: Saratov State Law Academy; 2018. P. 83–92. (In Russ.)

18. Davydova ML. Democratization of lawmaking: the principle of common sense in the application of technical and legal tools. *Legal technique*. 2014;(8):131–134.

19. Safonov VN. Common sense as a legal principle and its place in criminal law. In: Khlebushkin AG, Timina TN, editors. *Criminal*

law: yesterday, today, tomorrow. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2018. P. 191–195. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Сергеевич Чукин, старший преподаватель;
eLibrary SPIN: 3772-9561; e-mail: dchukin@yandex.ru

AUTHOR INFO

Dmitry S. Chukin, senior lecturer;
eLibrary SPIN: 3772-9561; e-mail: dchukin@yandex.ru